

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39

Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014

© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджита («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпиграфического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак

Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского

Статья посвящена политическим воззрениям Э.Э. Ухтомского и их отражению в его публицистике. В источниковую базу исследования включены библиографические раритеты — газетные публикации 1900-х гг. В целом взгляды Ухтомского характеризуются авторами как протоевразийские, что демонстрируется его позицией в выстраивании дальневосточного вектора российской политики на рубеже XIX—XX вв.

Ключевые слова: Э.Э. Ухтомский, Восток-Запад, Россия и Восток, российская дипломатия на Дальнем Востоке XIX в.

Князь Э.Э. Ухтомский квалифицирован немецким философом Вальтером Шубартом как русский публицист и поэт, изучавший жизнь буддистов в поездках по Сибири. Однако его чисто религиозные интересы вскоре приобрели уже явно политический оттенок в контексте англо-русского соперничества за господство на азиатском континенте, о чём открыто говорил один из крупнейших ориенталистов того времени академик С.Ф. Ольденбург. Академик отражал взгляды немногочисленной, но довольно влиятельной группы лиц — своего рода «тибетского лобби» в околоправительственных кругах, объединявшего великих князей Николая Михайловича и Константина Константиновича, востокофила кн. Э.Э. Ухтомского, врача тибетской медицины П.А. Бадмаева и профессиональных востоковедов П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.В. Григорьева, А.М. Позднеева, Ф.И. Щербатского и др., как и путешественников в Центральную Азию, многие из которых были кадровыми офицерами русской армии, таких как Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, М.В. Певцов, П.К. Козлов. Эти люди стремились не только привлечь внимание к буддийскому Тибету, открыто тяготевшему к России, но и активно занимались этнографическими и географическими исследованиями, изучением буддизма. Особая роль здесь выпала кн. Э.Э. Ухтомскому, который способствовал встрече тибетского дипломата, официального представителя Далай Ламы Агвана Доржиева с Николаем II в 1896 г. и знакомствам в великосветских кругах и среди столичных учёных. Ухтомский же обосновал мысль о том, что Россия не должна была входить в антикитайский блок, поскольку имеет больше интересов и симпатий с азиатами, нежели с колонизаторами Запада. Вальтер Шубарт работы Э. Ухтомского назвал «симптомами становления» евразийства, и говорит о намётках паназиатского движения (Шубарт, 1997, с. 361, 275, 274). Мессианский дух, по мнению философа, веет и в политических судьбах России.

«У русских дух и дело, идея и политика стремятся соединиться в одно целое», — пишет Шубарт (там же, с. 70).

России предстояло выбрать вектор развития на фоне международных противоречий на Дальнем Востоке, обозначившихся ещё в середине 80-х гг. XIX в. и в 90х гг. обостривших борьбу великих держав за господство в Китае и Корее. Россия и ранее проявляла дипломатическую активность в этом регионе, примером чего является Айгунский трактат с Китаем 1858 г. «Недвижный Китай» с середины XIX в. сотрясился внутренними взрывами. «На берегах Жёлтого моря гремели пушки: маленькая Япония, усвоившая европейскую технику, одерживала свои первые победы над огромным, но ещё недвижным Китаем» (Ольденбург, 1939, с. 13). Начатое в 1892 г. строительство Великого Сибирского железнодорожного пути, введившего Россию, по определению Б.А. Романова, «в сферу международного экономического и политического соперничества в Тихом океане», получило значение «прямой угрозы резко изменить соотношение сил на Дальнем Востоке в её пользу». Японо-китайская война — попытка Японии «поспеть на место первой» — окончательно включила Дальний Восток «в круг вопросов мировой политики европейских держав» (Романов, 1928, с. 4, 9, 10). Россия не была заинтересована в разделе Китая и с 1895 г. (Симоносекский договор) взяла курс на дружбу с Китаем. Более близкие отношения установились и с Кореей (после событий 1896 г., когда король, сбежав из японского плена, укрылся в русской миссии). Странники китайской дружбы, и среди них князь Э.Э. Ухтомский, предлагали выжидать и поддерживать Китай в пассивном сопротивлении. Через несколько лет, когда Сибирская дорога будет готова, такая политика принесёт свои плоды. Подобная точка зрения была и у министра финансов С.Ю. Витте.

В это время Ухтомский и выступает как дипломат. В начале 1893 г. Витте через Э.Э. Ухтомского, тогда издателя «Санкт-Петербургских ведомостей», познакомился с доктором тибетской медицины и предпринимателем П.А. Бадмаевым. В феврале того же года Бадмаев составил записку о положении и задачах России на азиатском Востоке и просил министра поддержать её перед царём. Смысл авантюристических предложений Бадмаева состоял в том, чтобы продлить Сибирскую железную дорогу от Байкала не только к Владивостоку, но и на юг, в глубь Китая, а затем, используя личные связи и деятельность возглавленного им частного общества, создать в провинции Ганьсу предпосылки для организации восстания тибетского, монгольского и китайского населения против маньчжурской династии. Предполагалось, что после свержения власти маньчжур эти народы будут просить «белого царя» принять их в своё подданство (Игнатьев, 1989, с. 29).

Императору Александру III этот проект показался фантастическим. Витте в сопроводительном докладе писал о «серьёзных взглядах» Бадмаева, высказывавшего «новую точку зрения в практических вопросах политики», особенно злободневную в связи с сооружением Сибирского пути. Он подозревал Европу

в намерении натравить Китай на Россию для захвата восточного участка новой дороги и русского Приморья.

Заметим, что не только евразийцы, но ранее и протоевразийцы, «восточники», говорили о формировании имперского пространства России, придерживаясь идеи «Континента-океана», предполагающей «естественность» имперского расширения национальной цельности на определенной ступени её развития ради удовлетворения своих возросших потребностей. «Россия вращалась в Азию, раздвигая свои пределы. Это был органический рост, увеличения русской территории, а не завоевание далёких чужих земель». Россия завладела «Каймой Азии» и должна была найти своё решение для основного вопроса в Азии — китайского вопроса (Ольденбург, 1939, с. 112). При этом империя понималась не только формой политического контроля над огромной территорией, не только сферой экономического давления, которое может разворачиваться только на больших пространствах, но и формой культурного миссионерства. При этом была высказана Ухтомским и идея «братства народов Евразии», средством осуществления которого могут быть объединение России, Китая и Индии.

Заметим, что социальный универсализм в русской историософии имел различные идейно-концептуальные формы: утопического социализма, панславизма, всеединства, свободной теократии, космизма, монголизма, евразийства, христианского социализма и проявлялся в принципах социокультурного синтеза, интегративных политических проектах (геософия культуры) по созданию федерации славян с Индией и Китаем и т. д. Э.Ухтомский и был представителем этого универсализма в форме протоевразийства, или восточничества. Заметим, что Ухтомский намного раньше Н.А. Бердяева наделял русскую цивилизацию мессианским значением, как носителя универсалистской христианской идеи. Эту идею он и пытался реализовать.

Картину публичной стороны внешнеполитических событий дополняют материалы периодической печати, в которых раскрывается отношение разных социальных групп к официальному правительственному курсу и влияние отдельных органов печати на выработку правительственного курса (Рыбаченок, 1988, с. 125—146). В 1894—98 гг. — от японо-китайской войны до занятия Россией Порт-Артура и русско-японского соглашения о Корее — в правящих кругах не было единства взглядов на дальневосточную политику государства. Так, газета «Гражданин» служила «безусловному консерватизму», что определялось личностью её редактора-издателя В.П. Мещерского, близко знакомого с Александром III и Николаем II. Оба читали её, и первый находился с издателем в переписке, а второй был с ним на «ты».

При императоре Николае II азиатская «миссия» России отчётливо была выдвинута на первый план, что проявилось и в постройке Сибирской железной дороги. Князь Э.Э. Ухтомский, знаток и любитель буддийского Востока, собиратель ценных коллекций предметов восточного искусства, «не играл, правда, решающей роли в русской внешней политике; но он, несомненно, оставался близок

Государю, которому его мнения были хорошо известны». Идеи, выражавшиеся в печати кн. Э.Э. Ухтомского, сыграли свою роль в событиях на Дальнем Востоке (Ольденбург, 1939, с. 113). Кн. Ухтомский исходил из представления о глубоком духовном сродстве России и Азии. Между Западной Европой и Азиатскими народами лежит глубокая пропасть. Иные говорят: «К чему нам это? Уже и так земли много». Кн. Ухтомский отвечал: «Для Всероссийской державы нет другого исхода — или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающей Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения... а не нами пробуждённые азиатские народы будут ещё опаснее, чем западные иноплеменники».

Но на Азию был и другой взгляд, имевший не менее влиятельных сторонников. Это «жёлтая опасность» (Панов, 1906) — оберегайте своё священное достоинство от буддийского идола (Император Вильгельм II¹ в 1895 г. прислал Государю символичную картину, в которой это было выражено) (Ольдебург, 1939, с. 113). Та же мысль тревожила Вл. Соловьёва. В стихотворении «Панмонголизм» (1900) и в «Краткой повести об Антихристе» (1899) он вполне явно обращается к идее азиатского нашествия на Россию и Европу. Ухтомский утверждал, что не придавал значения идеям В.С. Соловьёва о панмонголизме и поддержке их философом Е. Трубецким. «Для меня нет и не было панмонголизма, «Азии для азиатов», Японии, действительно способной направить пробуждающийся Восток против Европы» (там же, с. 7). И, тем не менее, В.С. Соловьёв оказал на Ухтомского большое влияние, так же как и Н.В. Федоров, с которым он познакомился во время учёбы в Санкт-Петербурге. Его мнение не так чётко определено, как он хотел бы это представить: Ухтомский был человеком своего времени и разделял общеевропейское настроение, интерпретировавшее происходившее как пробуждение Азии. Он был обеспокоен действиями Японии и возникновением идеи паназиатизма. Он полагал, что «расовая война между Востоком и Западом [...] грозит стать признаком XX века» (Ухтомский, 1904, с. 25), но при этом не помещал Россию ни в один из лагерей. Он фактически отказывался выбирать между союзом с Китаем или союзом с Японией: Россия обложена миссией защиты Китая и Кореи от японского вмешательства, но одновременно — возможно заключить союз с Японией, в большей степени в надежде на господство, чем во имя какой-либо культурной близости (Перхин, 2003).

Восприняв стереотипы своего времени, Ухтомский размышлял о Китае в исторических и культурных терминах (древнее государство, рафинированная культура, симбиоз религий и т. д.), а о Японии — в расовых. Он также верил в существование жёлтой расы, которую определял при помощи готовых формул, часто позитивных, но вместе с тем двусмысленных: крепость, упорство,

¹ Германский император Вильгельм II, российский царь Николай II и король Великобритании Георг V были внуками английской королевы Виктории, у которой было 9 детей.

воинственное высокомерие и т. д. В России, как и во всей Европе, Китай вызывал к жизни размышления о культуре, тогда как вооружившаяся Япония провоцировала высказывания о расе. Азия «великих цивилизаций» создавала образ скорее благоприятный, но несла на себе печать культурных стереотипов эпохи, а именно, представлений о кочевом мире, что всегда умаляло её значение.

Став редактором-издателем ежедневной газеты «Санкт-Петербургские ведомости» (СПВ), Э.Э. Ухтомский выступил с консервативных позиций (там же). Меццерский писал, что «по убеждениям политическим» у него «за последние годы не обнаружилось ни единого разномыслия даже в мелочах» с Ухтомским («Гражданин», 1895, 24 октября). Свои идейные позиции СПВ сформулировали в первом же номере — верность коренным основам государственного и церковного строя, выработанным 1000-летией историей России (СПВ, 1896, 1 января). Ранее, в 1894—95 гг., «Гражданин» постоянно публиковал внешнеполитические статьи Ухтомского². Ближайшей целью русской дипломатии на Дальнем Востоке в середине 1890-х гг. до окончания строительства Сибирской железной дороги было: помешать усилению там других держав, поддерживать мирные отношения с Китаем и Японией, а главное — не допустить утраты независимости Кореи ввиду неподготовленности к утверждению в этой стране своего преобладающего влияния. Всё это требовало и идеологического обоснования.

До японо-китайской войны вопросы дальневосточной политики сравнительно мало привлекали внимание печати. Начавшаяся в июле 1894 г. война резко изменила положение. Позиция правой печати была такова — укрепление Японии в Корее явится прямым нарушением интересов России, особенно если Япония послужит опорой для действий какой-либо европейской державы; Россия не потерпит укрепления Англии вблизи русской границы на Тихом океане; интересы России требуют, чтобы Корея по-прежнему оставалась «почти независимым государством» (СПВ, 1894, 6 августа, передовая). В начале войны царизм занимал осторожную позицию, с другой стороны, по словам СПВ, «наилучшим средством для восстановления равновесия на Востоке» было «привлечение европейских государств, особенно же нашей союзницы Франции, к вмешательству в японо-китайскую распрю» (1894, 6 авг. «События на Востоке и отношение к ним России»). В октябре СПВ выдвинули предложение о сосредоточении русской эскадры в водах восточной Азии для лучшего «сохранения независимости Кореи» (7 окт. «Россия и война в Корее»). Выдвинутая тогда же в английской прессе идея сближения с Россией была резко отрицательно встречена правым лагерем. Ставился вопрос о важности приобретения Россией незамерзающего порта на берегах Тихого океана (строить ли новый, или усовершенствовать Владивосток), но при этом не допустить японцев в Манчжурию.

² Тиражи были невелики — Тираж «Гражданина» чуть больше 3 тысяч, а «СПВ. ведомостей» — 6 тысяч.

Обсуждалась и необходимость применения вооруженной силы в случае провала дипломатических действий.

«Московские ведомости» воинственно писали: «Пора сознавать и открыто заявить, что Азии мы нужны ради её собственной пользы, что горе тому, кто там станет на дороге мирного развития России» (МВ, 1895. 6 апреля, 12 апреля, «Руки прочь»). «Гражданин», МВ и СПВ открыто высказываются за необходимость коллективного воздействия России, Франции и Германии на Японию с целью заставить её пересмотреть подписанный договор с Китаем. Антианглийские выступления становятся всё резче. Статья Ухтомского «Будет ли Китай второй Индией» вызвала беспокойство в Лондоне и вынудила русского посла Е.Е. Стаала давать разъяснения, что Э. Ухтомский выражает своё личное мнение (Нарочницкий, 1956, с. 708).

СПВ печатают сообщения собственных корреспондентов, информацию иностранных телеграфных агентств, комментарии, переводы статей из зарубежных газет и журналов, специальные тематические статьи по вопросам торговли, финансов, экономики Японии, Китая и Кореи. По объёму информации и её целенаправленности с 1896 г. газета становится лидером среди периодических изданий. Публикуются многочисленные материалы географического и этнографического характера (СПВ, 1896 №№ 36, 37, 42, 44, 83 — серия статей «Самосознание современного китайца»; №№ 38, 82, 99, 101 и др. — серия статей «Из истории пробуждения Китая и Японии»; 1897 № 313 — «Происхождение японцев»; № 57 и 164 — «Путешествие через центральную Маньчжурию» и др.). Газета пишет о развитии русско-китайских и русско-монгольских торговых отношений и по другим вопросам (СПВ, 1896 №№ 79, 98, 107, 118, 130, 145, 155, 163, 237; 1897 № 262, 292; статьи кроме Г.Е. Грумм-Гржимайло, Ухтомского и других авторов).

Особенно активно обсуждался вопрос о строительстве Сибирской железной дороги, Китайской восточной (или Маньчжурской) железной дороги и вариантах её ответвлений. Высказывались мнения о поиске незамерзающего порта на берегах Тихого океана, расширения Владивостокского порта, вообще о строительстве и состоянии морского флота России, как и Японии, Англии, Германии и Франции, их сравнительной мощи. Конечно, обсуждалась система противостояний на Дальнем Востоке: русско-японском в Корею и русско-английском в Китае. Идеологическое обоснование проводимого царизмом политического курса выполняют статьи программного характера, многие из которых написаны Ухтомским.

Историк И.С. Рыбаченок выделяет три принципиальных, тесно связанных между собой положения, которые лежат в фундаменте этого обоснования: 1) девиз «о национальном идеале» внешней политики, 2) утверждение о миролюбивом её характере, 3) тезис о «цивилизаторской», «высококультурной» миссии России на Востоке (Рыбаченок, 1988, с. 135).

Суть первого из них сформулировали «Московские ведомости»: «твёрдая и достойная охрана русских интересов для мирного развития и укрепления могу-

щества России» (МВ, 1898, 17 марта, «Изменилась ли внешняя политика России?») Опровергая толки о «новом направлении» внешней политики России в связи с занятием Порт-Артура и «изменой» покровительственной христианам политике на Ближнем Востоке, газета указывает, что поворот был совершён 12 лет назад, когда при Александре III были сброшены «путы» союза с Австро-Венгрией и Германией (МВ, 1897, 21 декабря, 1898 — 17 марта; СПВ, 1898, 23 марта). Так формировалась и направлялась политика «национальных интересов». В раскрытии этого тезиса находит отражение и основная идея правых — о единении царя и народа. С наибольшей полнотой это сделано в передовой статье СПВ, посвящённой занятию Порт-Артура (СПВ, 1898, 23 марта «Россия на берегах Жёлтого моря (историческая справка)'). Автор её — Ухтомский — рассматривал этот акт как естественное завершение объективного хода исторического развития и роста территории государства и шедшего параллельно с ним русского переселенческого движения. В равнодействующей двух сил («народной» колонизации и юридического оформления её правительством) он видел основной смысл и характер поступательного движения на Восток. Приобретение незамерзающего порта связано, конечно, с «экономическим ростом Сибири, а с ним и всего русского государства». «Остаётся лишь желать, чтобы ничто больше не мешало мирному развитию наших духовных и материальных сил в пределах намеченного круга» (там же).

Второй пункт — «Россия не намерена посягать на независимость соседних стран и довольствуется на Востоке строго необходимым для её естественного развития» (СПВ, 11 марта 1896, «На распутье»). В этой же статье говорится, что надо идти на жертвы ради того, чтобы сибирская магистраль имела «естественный выход к океану». Тезис о «миролюбивом» характере политики раскрывается, прежде всего, на примере поддержки Россией независимости Кореи и Китая. «Санкт-Петербургские ведомости» пишут, что «для правильного развития Востока» необходимы: 1) фактическая независимость Кореи и 2) приобретение Россией открытого порта вне Японского моря (СПВ, 1896, 11 февраля). Спустя два года, в апреле 1898 г., проиграв Японии в Корее, царизм был вынужден отступить от занятых рубежей. В дальнейшем Россия посылала инструкторов и советников, действуя не только в собственных интересах, а в интересах Кореи, по просьбе корейского правительства, — декларируют и МВ, и СПВ.

Третий тезис раскрывается, прежде всего, на материалах строительства Сибирской железной дороги и её Маньчжурской ветви, причём на первый план выдвигается её торгово-экономическое значение, роль мирового пути, связывающего Европу с Азией. (СПВ, 1896, 8 марта, 17 октября, 1897, 20 февраля, 19 марта и др.). Железнодорожное строительство «открывает» Китай для «европейской цивилизации и промышленности» (МВ, 1896, 14, 15 декабря), и даёт ему возможность «пользоваться благами этого нового цивилизаторского пути» (МВ, 1897, 13 января).

Наглядную иллюстрацию тезис получил в описании корреспондентом газеты СПВ приёма в Китае миссии Ухтомского, прибывшего к богдыхану с дарами от русского царя в мае 1897 г. Стену зала, в котором происходил торжественный обед по случаю открытия Пекинского отделения Русско-Китайского банка, украшала аллегорическая картина. Несущийся в облаках Меркурий осеняет стоящие внизу фигурки русского и китайца; около китайца — ящик с чаем, около русского — бочка с сахаром; позади китайца — караван верблюдов и русская тройка, с трудом тащащая по песку тарантас, за фигуркой русского — железнодорожный поезд, несущийся на всех парах. (СПВ, 1897, 9 июля). Этот образ — «русский паровоз — символ европейско-азиатского единения» — используют «Московские ведомости», пропагандируя русско-китайское соглашение в марте 1898 г. об аренде Порт-Артура (МВ, 1898, 3 марта) (Рыбаченок, 1988, с. 138).

На страницах газет нашёл отражение тесно связанный с принципами идеологического обоснования задач и характера дальневосточной политики России вопрос о методах её осуществления: дипломатических, военных, финансовых и культурных. Просматривалась антианглийская направленность, в качестве противовеса — франко-русско-германское сотрудничество, что было впервые продемонстрировано в начале мая 1895 г. после понуждения Японии к отказу от части её притязаний. В марте 1897 г. в связи с обострением русско-английских противоречий тезис о создании тройственного союза, направленного против Англии, озвучивает газета «Санкт-Петербургские ведомости» (1897, 4 марта). В правящих кругах идея континентального союза была выдвинута С.Ю. Витте, который предполагал, что её реализация сможет на время предотвратить политические осложнения в Европе, пока царизм укрепит свои позиции на Дальнем Востоке.

Ставший приближённым к Николаю II после его путешествия по Востоку, Ухтомский оказался втянут в дальнейшее в политическую, дипломатическую и экономическую политику царизма на Дальнем Востоке. Одним из важнейших звеньев в цепи дипломатических усилий царизма реализовать свои планы на Дальнем Востоке после японо-китайской войны стало стремление достичь соглашения с Китаем. Предстоящая торжественная коронация новой царствующей четы 14 мая 1896 г. в Москве предполагала присутствие высокопоставленных представителей зарубежных государств. Правительство богдыхана в знак уважения к дружественной России направило одного из своих главных сановников — первого канцлера Ли Хунчжана. Помимо России он должен был посетить ряд западноевропейских стран и выяснить возможности получения Китаем финансовой и политической помощи. Витте решил воспользоваться пребыванием Ли Хунчжана, чтобы закрепить русско-китайское сближение и, в частности, разрешить вопрос о строительстве железной дороги через Манчжурию.

По указанию из Петербурга посланник в Пекине А.П. Кассини и директор пекинского отделения Русско-Китайского банка, агент Министерства финансов в Китае Д.Д. Покотилов убедили канцлера начать европейскую поездку

не с Франции, как тот первоначально намечал, а с России. Витте послал за Ли Хунчжаном в Порт-Саид специальный пароход, который доставил его прямым рейсом в Одессу. Навстречу высокопоставленному сановнику в Порт-Саид был, по докладу Витте, направлен член правления Русско-Китайского банка востоковед и журналист кн. Э.Э. Ухтомский, выступавший в качестве личного представителя царя. На Ухтомского возлагалась задача следить за организацией поездки канцлера и вступить с ним в предварительный обмен мнениями о развитии русско-китайских отношений. Миссия Ухтомского носила совершенно секретный характер. О ней знали только Николай II и Витте, который руководил всеми действиями царского представителя: дал ему подробные инструкции накануне отъезда, а в дальнейшем сносился с ним по телеграфу специальным шифром (ЦГИА. Ф. 1622. Оп. 1, Д. 936. Л. 39—43об.). По согласованию между Витте и Ухтомским всё на русском пароходе было устроено так, чтобы понравилось восточному гостю. В Одессе, как и во время других остановок канцлера, ему оказывались воинские почести. Демонстрировалось традиционное русское гостеприимство. Во всём этом нетрудно увидеть стремление Витте расположить китайского сановника к России.

Ли Хунчжан прибыл в Петербург 18 апреля — за три недели до коронации, которые министр финансов использовал для переговоров. Перед их началом канцлер вручил Витте знаки отличия мандарина и другие подарки от богдыхана, видимо, в благодарность за содействие при заключении займа. Ответный подарок Ли Хунчжан выбрал сам. Это был изумруд, выставленный на Нижегородской всероссийской выставке, которым он пополнил свою коллекцию драгоценностей. Несмотря на эти жесты дружеского расположения, переговоры протекали не просто. Для подкупа китайских сановников был специально создан фонд, связанный с выдачей концессии на КВЖД, «лихунчжанский» фонд (Романов, 1928, с. 49—50, 115—117). При этом Витте напомнил о недавних услугах России и подчеркнул, что Китай не сможет противостоять претензиям других держав без российской поддержки. В целях давления была организована беседа китайского канцлера с царём.

Переговоры продолжались в Москве, где проходили коронационные торжества. Успеху переговоров помогло заключение 22 мая 1896 г. русско-китайского оборонительного союза, направленного против японской агрессии на Дальнем Востоке. Сыграл свою роль и подкуп в виде обещания 3 млн. за удачное осуществление плана строительства железной дороги. В результате Ли Хунчжан согласился на сооружение железнодорожной линии через Северную Маньчжурию до Владивостока, что официально аргументировалось необходимостью облегчить русским войскам выполнение союзных обязательств. Постройка и эксплуатация железной дороги предоставлялась Русско-Китайскому банку, членом правления которого был Э. Ухтомский. Ухтомский, учитывая секретный характер переговоров, ограничился оценкой договора как «нелепого слуха». Это было проявление нежелания правящих кругов России афишировать договор. Витте также в своих

«Воспоминаниях» говорил о секретном характере этого соглашения (Витте, 1960, с. 65). Особо не афишировалась и деятельность Русско-Китайского банка, членом правления которого состоял Ухтомский и при желании мог бы донести сведения до своих читателей СПВ (СПВ, 1897 6 июля, 17 октября, 1897, 19 марта).

Вслед за союзным договором была разработана специальная конвенция о сооружении дороги, названной по желанию канцлера Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД). Эта конвенция стала основой проекта концессии, который сначала подвергся обсуждению в Пекине, а затем уточнялся в ходе переговоров Ухтомского, представлявшего Русско-Китайский банк, и чиновника Министерства финансов с китайским посланником при берлинском и петербургском дворах Сюй Цзюньчэном. Витте руководил действиями русских делегатов по телеграфу. После одобрения Петербургом и Пекином окончательной редакции концессионный договор был подписан 27 августа 1896 г. Он обеспечил России немаловажные выгоды и преимущества, притом администрация железной дороги будет целиком находиться в руках общества КВЖД, что позволяло организовать вдоль линии свою охранную стражу. Сюй Цзюньчэн, отозванный с заграничного поста в Пекин, был избран номинальным председателем правления Общества КВЖД, которому поручалось отстаивать его интересы перед китайским правительством (Игнатьев, 1989, с. 48).

Позднее у царского правительства возник соблазн укрепить свои позиции в Сеуле. Корейское правительство просило Петербург о присылке русских военных и финансовых советников, а также о предоставлении ему займа для расчётов с Японией. В июне 1896 г. Корею был дан в основном положительный ответ. Витте, однако, не спешил с выполнением обещаний, касавшихся его ведомства. Он не без оснований опасался осложнений с Японией и Англией. Русская политика в Корею не имела реальной экономической опоры. Кроме того, для Витте пока оставался нерешённым вопрос, где следует добиваться выхода КВЖД к незамерзающему порту — в Корею или Маньчжурии.

Для выяснения позиции Пекина он направил туда уже директора Русско-Китайского банка князя Э.Э. Ухтомского, который должен был провести переговоры с Ли Хунчжаном. Используя известный «особый фонд», Ухтомскому предстояло добиваться разрешения на проведение КВЖД по более южному направлению и выяснить, как отнесется китайское правительство к строительству русской ветки, которая соединила бы КВЖД с проектируемой китайской дорогой от Таньцзина до Цзиньчжоу, а также не согласится ли Китай на сооружение ветки от КВЖД до одного из портов Кореи. Но миссия посланца Витте не принесла ожидаемых результатов (Романов, 1928, с. 23–24; см. также Романов, 1955). В дальнейшем Витте принял решение избрать в качестве незамерзающего порта для КВЖД Ичжу (сейчас — Синейджу) в устье Ялуцзяна (Корея). Однако этому закреплению в Корею помешало убийство двух германских миссионеров в ноябре 1897 г., которое Германия использовала как предлог для захвата бухты Цзяочжоувань на Шаньдунском полуострове (Романов, 1928, с. 48, 64).

Последовательно и целенаправленно СПВ отстаивают и пропагандируют идею усиления военно-морского флота России как орудия в борьбе за преобладание на берегах Тихого океана. «Одна из главнейших и самых существенных наших задач — упрочение нашего могущества и влияния на Дальнем Востоке, куда мы направляем уже второй год все наши морские вооружённые силы» (СПВ, 1896, 20 октября). Поэтому сообщение Правительства о занятии Россией Порт-Артура газета приветствовала как «отважный шаг в область предначертанного Россией на Дальнем Востоке возрастающего с каждым днём величия» (СПВ, 1898, 22 марта).

Российские суда вошли в 1897 г. в Порт-Артур. Началась сложная дипломатическая игра. Новое русско-китайское соглашение 15(27) марта 1898 г. подтвердило неизменность русско-китайской дружбы и предоставление России на 25 лет портов Артур и Даляньвань и соединение их с сибирской магистралью. Занятие Ляодунского полуострова было сочтено естественным и неизбежным в Западной Европе и значительной частью русского общества. В беседе с германским публицистом Рорбахом кн. Э. Ухтомский осенью 1898 г. говорил: «Я сейчас в оппозиции нашему министру иностранных дел. Я против занятия Порт-Артура. Я осуждаю занятие немцами Киао-Чао. Мы должны делать всё возможное для укрепления престижа Пекинского правительства. Если в Китае разразятся беспорядки, маньчжурская династия будет свергнута, и ей на смену явится и фанатичная национальная реакция. В сущности, в Пекине уже нет правительства. При таких условиях можно без сопротивления добиться заключения на бумаге любых договоров. Но когда династия падёт — иностранцев вырежут». (Ухтомский предвидел реальные события, ибо знал Китай; О «жёлтой опасности» заговорили повсеместно.) К этому времени Сибирская дорога открыла сплошное движение только до Байкала. Русское общество сравнительно слабо откликнулось на китайские события, не сочувствуя ни Вл. Соловьеву, ни кн. Э. Ухтомскому. «От прогрессирующей беспечности и некультурности нашего живущего миражами интеллигентного слоя мы теряем политическое чутьё в восточных делах», — писал кн. Ухтомский в брошюре «К событиям в Китае» (Ухтомский, 1900, с. 117, 119, 126).

Русское железнодорожное строительство в Маньчжурии и деятельность Русско-Китайского банка мешали экспансионистским планам других держав. Обстановка в Китае накалялась. Восстание ихэтуаней («отрядов справедливости и согласия») цинские власти постарались использовать в своих целях, обратив весь гнев крестьян против иностранцев. Тайпинское восстание, восстание боксёров весной 1900 г., сопровождалось резней иностранцев из миссий. В самом конце мая — начале июня 1900 г. восставшие вступили в Пекин и осадили иностранные миссии. Это послужило поводом для открытой интервенции, в которой приняли участие Англия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Япония, Соединённые Штаты, царская Россия и Италия.

Витте считал, что Россия должна продолжать в Китае свою политику, отличную от других держав. Он стремился войти в контакт с представителями цинской династии. 15 июня он телеграфировал Ли Хунчжану, занимавшего в то время пост наместника двух южных китайских провинций, и просил его использовать все средства, чтобы предотвратить разрушительные действия в отношении железной дороги, создаваемой по дружескому соглашению двух стран, и предупреждал о возможных отрицательных последствиях таких действий для русско-китайских отношений. В середине июля Витте получил от Ли Хунчжана письмо, в котором тот сообщал, что вызван в Пекин и надеется склонить императрицу к принятию решительных мер против смуты, но не знает, как добраться до столицы. Он также ходатайствовал о присылке к нему для переговоров Э.Э. Ухтомского и просил, чтобы русское правительство договорилось с другими державами не начинать военных действий против Китая. Витте ответил, что Россия не только не объявит Китаю войны, но и окажет всяческое содействие сохранению независимости этой страны. Он приветствовал выдвижение Ли Хунчжана на пост ближайшего советника императрицы и обещал ему полную поддержку России в расчёте на то, что Ли, со своей стороны, примет меры к охране русской миссии и русских подданных в Пекине. Витте советовал сановнику поспешить с отъездом в столицу, обещая доставить его из Шанхая в Таку на русском военном судне, соглашался на командирование Ухтомского. Он обещал также содействовать задержке похода на Пекин (Пролог русско-японской войны, 1916, с. 106).

Однако уже 22 июля 1900 г. иностранные войска выступили из Тяньцзиня на Пекин. Среди них преобладали японцы, а русские составляли не более пятой части. 25 июля Ли Хунчжан циркулярной телеграммой поручил китайским представителям за границей довести до сведения держав, что он назначен уполномоченным для ведения переговоров о мире. Витте в ответной телеграмме настоятельно советовал сановнику поспешить в Пекин. Но демарш Ли Хунчжана не остановил движение международного корпуса, ибо соперничающие с Россией державы отнеслись к переговорам отрицательно. Русский отряд под командованием генерала Ренненкампа прошёл Маньчжурию с севера на юг, почти не встречая сопротивления и уже 15 (2) августа русские войска под командованием генерала Линевича заняли столицу Китая и остановились. С кем вести переговоры? Русские войска заняли Маньчжурию от русской границы до Ляодунского полуострова. В начале августа войска интервентов заняли китайскую столицу, европейские мародеры подвергли город и дворцы запретного города грабежам и насилию. Особенно усердствовали при этом японцы и англичане. Китайское правительство бежало в неизвестном направлении (Романов, 1928, с. 130, 132, 133).

13 марта 1901 г. по договорённости с Витте Э. Ухтомский телеграфировал Ли Хунчжану и советовал не отказываться от соглашения, касающегося Маньчжурии в интересах мира и дружбы между двумя странами. Однако уже 23 марта

было опубликовано правительственное соглашение, говорившее о выжидательной политике, что знаменовало собой серьёзную неудачу царской дипломатии. На горизонте замаячил союз Англии и Японии. Витте увидел в этом пролог войны с Японией и попытался отстранить войну с Японией. Ли Хунчжан предложил возобновить переговоры о выводе русских войск из Маньчжурии. Однако скорострительная смерть Ли Хунчжана (1901) смешала все планы, поскольку его преемник Вэн Вэншао занял более жёсткую позицию и стал добиваться вывода войск в годичный срок, а не к лету 1903 года (там же, с. 140, 141). Сооружение Китайской Восточной железной дороги в 1900 г. вело к фактической оккупации Маньчжурии. Япония дипломатическим путём (и США, и Англия были ею убеждены) потребовала эвакуации военных с КВЖД к 8.X.1903 г. Дипломатического разрешения проблема не получила, и вспыхнула война — 27 января (8 февраля) 1904 г. Япония начала под Порт-Артуром военные действия. Эта война дала Англии случай отправить в Тибет военную экспедицию полковника Янгхасбенда, занявшую запретный город Лхасу. Далай-Лама бежал в Монголию. Англия заставила Тибет подписать договор, устанавливающий английский контроль над его внешними сношениями. Продолжилась дипломатическая война. 18 (31) августа 1907 г. подписано англо-русское соглашение. Англия отказывалась от Тибета; обе стороны признавали суверенитет Китая над страной.

Всё дело было в военно-политических устремлениях России. Русско-Китайский банк имел капитал 6 млн. руб. для производства торговых операций со странами Восточной Азии и финансирование КВЖД. Банк получил право совершать эмиссионные операции, чеканить монету с разрешения китайского правительства, совершать оплату по китайским займам, приобретать концессии на проведение железной дороги и телеграфных линий. Цель банка упорядочить отношения с Россией, поднять значение русского имени (Головачев, 1904, с. 159—160). Однако английский ввоз в Китай в 80 раз превышает русский и конкурировать с Гонконгом, Шанхаем, Индией, Австралией и Китаем Россия не могла. Общество КВЖД имело капитал всего 5 млн. руб. Всех расходов на строительство примерно 400 млн. руб. и при этом правовая неопределённость дороги — российская на китайской земле. Некоторые считали эту дорогу «разорительным» и «сомнительным предприятием» (там же, с. 161, 216).

Идеологические обоснования стремления России на Дальний Восток можно свести к двум группам. Немногочисленная часть полагает, что Россия «находится в духовном родстве с Востоком», связана с ним общностью традиций, и потому её провиденциальная задача состоит в том, чтобы оживить спящий Восток, быть посредницей в его сближении с Западом, внести туда европейскую культуру и просвещение. Этот взгляд является как бы дальнейшим развитием взглядов славянофилов и панславистов (там же, с. 7).

Безнадёжность осуществления панславистских идеалов в Европе сказалось в том, что «внимание людей с мистической складкой в области политических и социальных вопросов» обратилось с европейского Востока на азиатский, до тех

пор ещё недостаточно хорошо понятый и довольно мало известен. (Мнение Данилевского и Риккерта о полной противоположности между Европой и Россией было усвоено «некоторыми русскими публицистами и государственными людьми и не осталось без влияния на формирование их взглядов на отношения России к большому Востоку».) Последним и наиболее типичным представителем этих мистических политических взглядов объявляется кн. Э. Ухтомский. Полагая, что «Россия, строго говоря, та же Азия», Ухтомский приписывает России особое «исторически предвечное положение на границе противоположных культур». Азиатские народы уже чувствуют своё родство с Россией. Даже «для громадной небесной империи Россия — своя, близкая, родная, не хищница, вроде остальных, вдающихся в колониальную политику держав». Дряхлый Китай именно в «державном Севере» ищет для себя нравственной поддержки и материальной опоры... В Азии для рас в сущности нет и не может быть границ... в органичной связи со странами Азии — залог нашего будущего» (Ухтомский, 1904, с. 43 48, 49, 58, 70, 77, 10).

Однако доказательством положения, что «Россия — тот же Восток», являются главным образом аналогии и сравнения. Головачев констатирует пренебрежительное отношение Ухтомского к столетней науке сравнительного языковедения, которая «кропотливыми философскими умствованиями» пытается установить (не «братство»), а единство происхождения, родство «англо-саксонской расы с арийским элементом Индии». Не этот научный факт, а скорее, гипотезу автора можно назвать «сентиментальной фикцией». Принципиальный вопрос о возможности культурного воздействия России на Восток, о проникновении туда европейской цивилизации при её посредстве, можно считать лишь праздной игрой ума (Головачев, 1904, с. 13, 14, 15). И разве эти страны не могут воспринять европейскую культуру непосредственно с Запада, как это сделала Россия 200 лет назад, не прибегая к посредничеству Польши, родственной ближайшей соседке. Япония также обратилась к Западу. По Ухтомскому, пишет Головачев, Запад лишь «тускло отражается на нашей умственной поверхности», и тогда почему Восток должен предпочесть для своего обновления копию оригиналу? Наконец, в настоящее время западные народы сделали гораздо больше для возвращения на Восток своей культуры, чем Россия. Не говоря уже о торговле. Англичане, немцы не только строят железные дороги и фабрики, но и изучают с неослабеваемой энергией Восток и имеют специальные учреждения и с ними Россия не может конкурировать. По мнению Головачева, «фантастические идеи» не имели значения для активной политики России на Дальнем Востоке и беспристрастная история русско-японской войны, укажет долю их влияния в подготовке событий на Дальнем Востоке (там же, с. 17).

Представители второй категории, которую можно назвать политическо-(государственно-)экономической, имеют направляющее влияние. Суть их в том, что давние экономические задачи России на Дальнем Востоке заключаются в окончательном укреплении на тихоокеанском побережье, в расширении южно-

азиатской границы и её обеспечения, как от Китая, так и от Англии, и постановка вопроса о побережье Индийского океана. Присоединить Монголию, Восточный Туркестан и Маньчжурию к России, что как-то оправдывало бы расходы на армию там. Они рекомендовали новое приобретение территории, почти равной третьей части Сибири. «Магия пространства отождествляется здесь с политическим величием страны», а оккупация чужих земель — целью всей политики государства. Главное — интересы будущих поколений. «Вольно-народная колонизация» (заяние Сибири) прошла успешно, ибо правительство лишь осуществило планы, инстинктивно создаваемые «народным творчеством». Как откровенно писал гр. Муравьев-Амурский: для сохранения Сибири — надо сохранить Камчатку, Сахалин, Амур и приобрести прочное влияние на соседний Китай (там же, с. 17, 18, 30–31, 37).

В России этот страх перед Азией особенно явно проявился в высказываниях военного министра А.Н. Куропаткина (1848–1925), (Романов, 1928) который в качестве решения жёлтой опасности предлагал не экспансию, а, напротив, сдерживание (Ларюэль, 2004). Куропаткин воспользовался термином «жёлтая опасность» в работе «Россия для русских. Задачи русской армии» (1910) только несколько лет спустя после того, как сложил с себя полномочия военного министра (Куропаткин, 1910, с. 252). Вплоть до 1905 г. он довольствовался расплывчатыми фразами вроде «жёлтого наплыва» или «цунами» и разоблачением заговора династии Цин с целью мирного заселения Маньчжурии и Монголии.

Генерал А.Н. Куропаткин, сокрушаясь об ослаблении «русского племени», пишет о мерах по усилению военного положения России, которое включает и соглашения по делам Дальнего Востока. Бюрократизм в России к концу XIX века получил чрезмерное развитие и значение. Следует заменить национальную политику бюрократов — западников во внешних делах России и вести политику в соответствии с национальными нуждами русского племени. Он сокрушается о переходе богатств России в чужие руки: на Урале в руках англичан горнодобывающая и металлургическая промышленность, рыбный промысел в руках норвежцев, как и звериные промыслы; железоделательная промышленность в руках по преимуществу бельгийских капиталистов. На Дальнем Востоке японцы усиленно захватывают в свои руки рыбную ловлю на побережье Камчатки, в устьях Амура и т. д. Американский, французский капитал, крупная торговля Владивостока в руках американских и немецких фирм. Усиление во всех сферах производства поляков и немцев (там же, с. 61, 66–71). Внешнее положение России в конце XIX века стало угрожающим. Вот почему «России выгодно поддерживать господство англичан в Индии... при сознании общности интересов и неприкосновенности владений России в Приамурском крае». Роль России в готовящихся в XX веке событиях мирового значения огромна. Россия уже приняла на себя в XX столетии первый натиск жёлтой расы и не имела успеха: «Победа в Азии над русскими есть вообще победа азиата над европейцем». «Почувствовав свои силы, азиат будет их применять не только к русским

владениям, но вообще к азиатским владениям Англии, Франции, Германии». Куропаткин уверен: борьба только начинается. То, что произошло на полях Маньчжурии в 1904—1905 гг., был лишь авангардный бой. Для блага всей Европы, чтобы при новом напоре Японии или китайцев на Россию, силы Европы были с нею, а не против неё (там же, с. 110, 251, 254).

* * *

«Убеждённый сторонник самодержавия», «последовательный сторонник монархии», консерватор (но не реакционер), сторонник правопорядка и веротерпимости — таковы характеристики князя Э.Э. Ухтомского (Репников, 2007, с. 46; Схиммельпенник, 2009, с. 91). По мнению Ухтомского, именно самодержавие спасало Россию от давления Европы, которой «шутя, удалось бы расчленить и осилить нас, как это ей удалось относительно испытавших горькую участь западных славян» (Ухтомский, 1897, с. 33). Но ради спасения России в годы революции 1905—1907 гг. он готов был признать либеральные нововведения и ждал от них результатов. Деятельность Государственной думы привела Ухтомского к отказу от поддержки либерального курса правительства (Суворов, 2011, с. 137—139). В этом сказалась неоднозначность деятельности известного публициста, мыслителя, идеолога «восточничества». Заявляли даже о либеральных взглядах Ухтомского (Леонов, 1985, с. 115). Непоследовательность политической позиции Ухтомского нашла своё отражение и в его издательской деятельности в годы первой революции в России.

В СПВ он писал, что Россия должна оставаться «верна коренным основам своего государственного и церковного строя, выработанного всею её тысячелетней историей». Однако газета, отстаивая идеи веротерпимости и справедливости, переходила в оппозицию, за что её издание несколько раз приостанавливалось. В связи с событиями Кровавого воскресенья, «Санкт-Петербургские ведомости» печатали только правительственные сообщения и официальные сведения. Сам Ухтомский призывал к выполнению патриотического долга и единству противостоящих сил: «На непримиримые лагеря, на охваченные самым печальным разладом слои стала делиться русская, и без того столь малочисленная интеллигенция. Как бы нам сблизиться, как бы столкнуться?» (СПВ, 1905, № 7).

В следующем номере Ухтомский с горечью писал о столпотворении, охватившем «мыслящую Русь» и мешающем «дальше возводить в недостижимую вышину гордый, великий памятник — Россию, на сооружение которого уже десятки поколений отцов и дедов наших кладут все свои силы, напрягают всю свою жизнь, трудовым потом и кровью скрепив незыблемое основание... Внутри её закипает такая братоубийственная борьба, открылись такие раны, пылает такая злоба, что сердце каждого русского леденеет от ужаса, глаза сохнут от слёз, оцепенённая мысль ищет выхода из неправды и нестроения» (Ухтомский, 1905, с. 1). Причины трагических событий князь находит в ультрационализме,

в переоценке своих сил и идеализации ситуации, отсутствии какого-либо сомнения в «отрицательных и скорбных сторонах», которые «таит наша повседневная действительность». В результате, «в фимиаме сладких снов и парадоксальных суждений жизненная правда тонула и испарялась бесследно».

Он позитивно встретил начало работы Государственной думы: «От благоразумия и такта элементов оппозиции зависит, чтобы страна не впала в хаос анархии и репрессий, чтобы солнце добра и правды взошло, наконец, над исстрадавшейся страной». «Временные избранники земли» должны были «творческим советом озарить наши безмерные государственные немощи, уврачевать по силе возможности наши тяжкие, неисчислимые внутренние недуги». Верховная же власть, в реальном и символическом значении, должна была оставаться у монарха.

Однако ожиданиям Ухтомского не суждено было сбыться. Депутаты оказались «разбойниками, лишь по недоразумению облечёнными высоким званием депутатов», а «обесславленная и хиреющая Россия руками её собственных сыновей-убийц влечётся к новым мукам и гибели...» (Ухтомский, 1908). Лидера кадетов П.Н. Милюкова он характеризовал как «главного вождя заговорщиков, душу революции, пятнистую гиену». Ухтомский с радостью встретил роспуск Думы второго созыва и изменение положения о выборах от 3 июня 1907 г. На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» неоднократно выходили обличительные статьи о деятельности Государственной думы: «“Лучшие люди” первого и второго призыва оказались или демонами разрушителями, или пигмеями, которых пославшее их для творчества в Думу население одинаково должно стыдиться» (Ухтомский, 1907). Как видим, политические убеждения Ухтомского ближе к сторонникам «просвещённого» консерватизма, думающим о развитии страны и необходимых изменениях в её жизни.

Список сокращений

МВ — Московские ведомости.

СПВ — Санкт-Петербургские ведомости.

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Литература

Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2.

Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.

Игнатьев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М., 1989.

Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. Т. III. Задачи России и русской армии в XX столетии. СПб., 1910.

Леонов Г.А. Э.Э. Ухтомский. К истории ламаистского собрания государственного Эрмитажа // Буддизм и литературно-художественное творчество народов Центральной Азии. Новосибирск, 1985.

Ларюэль М. «Жёлтая опасность» в работах русских националистов начала века. Русско-японская война. Взгляд через столетие. http://www.polit.ru/article/2004/10/11/laruelle/#_ftnref25. Обращение 13.10.2012

- Нарочицкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956.
- Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II. Белград, 1939.
- Панов А.А.* Грядущее монгольское иго. СПб., 1906.
- Перхин В.В. Э.Э. Ухтомский* — редактор газеты «С.-Петербургские ведомости» в письмах (1897—1919) // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика — 2003 — № 5.
- Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С.Ю. Витте / Под ред. Б.Б. Глинского. — Петербург, 1916.
- Репников А.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- Романов Б.А.* Россия в Маньчжурии (1892—1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.
- Романов Б.А.* Очерк дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907. М., 1955.
- Рыбаченок И.С.* Дальневосточная политика России 90-х годов XIX в. на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. Сборник научных трудов. М., Институт истории СССР АН СССР. 1988.
- Суворов В.* Князь Э.Э. Ухтомский о государственном устройстве России в период революции 1905—1907 гг. // Власть, 2011. № 1.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
- Официальный отдел // С.-Петербургские ведомости, 15(28) янв. 1905, № 7.
- Ухтомский Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890—1891. Лейпциг, 1897, т. 3, ч. 5,
- Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае. Об отношении России и Запада к Востоку. СПб., 1900.
- Ухтомский Э.Э.* Из китайских писем. СПб., 1901.
- Ухтомский Э.Э.* Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904.
- Ухтомский Э.* Воскресенье, 16 января // С.-Петербургские ведомости, 16(29) янв. 1905, № 8, с. 1.
- Ухтомский Э.* Лицом к лицу // С.-Петербургские ведомости, 27 апр. (10 мая) 1906, № 92.
- Ухтомский Э.* Занавес опустился // С.-Петербургские ведомости, 5(18) июня 1907, № 123.
- ЦГИА СПб. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 936. Л. 39—43об.
- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., Альманах Русская идея. (Вып. 3). 1997.

Summary

A.S. Kolesnikov, Yu.N. Strizhak

E.E. Uhtomsky's Views on Power and Politics

An article is devoted to E.E. Uhtomsky's views on the Russian power and politics, which were objectivated in his journalism. Authors demonstrated Uhtomsky as columnist on the base of very rare materials — newspapers 1900—1910th. So his position in the Russian Far Eastern policy was explicated. As a result his views were characterized as protoeurasism.

Key words: E.E. Uhtomsky, East-West, Russia and the East, Russian diplomacy at the Far East at XIX c.